

СИЛА ЛЮБВИ.

(Изъ былинъ войны).

(Продолженіе 1).

— Что тогда? Ну, что тогда? Скажите мнѣ на милость, вскипѣлъ докторъ, неужели вы воображаете, что вамъ удастся вернуться съ нимъ благополучно назадъ? Вы забываете, что пройдетъ мѣсяць, а то и два, раньше, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи идти (если только еще будетъ), а къ тому времени наши войска отступятъ еще верстъ на сто, назадъ....

— Почему непременно отступятъ? А можетъ быть....

— Ничего не можетъ быть... я вамъ говорю отступятъ, поверьте моему слову.... Это уже по началу видно.... Не только за Ляоянь, да мы за Харбинъ уйдемъ, въ этомъ уже не сомнѣвайтесь.... Вотъ тогда и посмотримъ, какъ это вы выберетесь изъ вашей пещеры.

1) См. «Военный Сборникъ», № 6.

— А это какъ Богъ дастъ, да я объ этомъ теперь пока и не забочусь, мнѣ только бы добраться до него и начать ухаживать за нимъ, вырвать его изъ когтей смерти... Безъ правильнаго ухода, даже и пустяшная рана легко можетъ окончиться смертью...

— Положимъ, это такъ, но подумайте еще объ одномъ... ну скажемъ... вы только не волнуйтесь... если говорить, то говорить все... скажемъ такъ... предположимъ онъ умеръ... не пугайтесь, это я дѣлаю предположеніе только... умеръ или умретъ, то что вы станете дѣлать тамъ одна среди китайцевъ.

Я... я, слегка заикаясь и блѣднѣя, отвѣтила Надежда Ивановна: я прежде всего похороню его, а тамъ вернусь...

— Хорошо вернетесь... Хорошо китайцы отпустятъ васъ, а если нѣтъ? Вѣдь китайцамъ, пожалуй, меньше можно довѣрять, чѣмъ японцамъ... Вы объ этомъ не думаете, а вѣдь они подчасъ ой-ой какими звѣрьми бываютъ... Если бы вы знали, что они во время возстанія продѣлывали съ попавшими имъ въ руки христіанками изъ европейцевъ, какъ они ихъ мучили, какимъ ужаснымъ пыткамъ предавали, къ тому же самымъ позорнымъ, унижительнымъ... китайцы вѣдь по части пытокъ мастера, импровизаторы... а къ тому же еще и садисты!

— Ну, мало ли что было тогда, въ Китайскую войну, въ то время они были озлоблены противъ европейцевъ, наконецъ, у меня въ крайности есть средство, не допустить до пытокъ и униженій...

— Какое?

— Ядъ! я возьму съ собою двѣ капсулы какого-нибудь сильно-дѣйствующаго яда и въ послѣднюю минуту, когда потеряю всякую надежду, отравлюсь. А пока, все-таки пойду, что бы вы ни говорили, какими бы страхами не пугали, пойду, потому что не могу не идти.

— Это ваше послѣднее слово?

— Послѣднее!

Докторъ съ минуту стоялъ передъ ней, скрестивъ на груди руки и пристально всматриваясь въ ея поблѣднѣвшее, но вполне спокойное лицо. Вдругъ онъ какъ-то всхлипнулъ и стремительно схвативъ руки Надежды Ивановны, принялся осыпать ихъ горячими поцѣлуями.

— А еще, говорятъ, женщины слабыя созданія—да вы героиня, вы сила, чудовищная сила... Что мы мужчины передъ вами... Кличите кличъ на всю армію, соберите всѣхъ нахрабрѣйшихъ ге-

роевъ, георгіевскихъ кавалеровъ тамъ разныхъ, да рѣшится ли хоть одинъ изъ нихъ на такой подвигъ, на какой идете вы... и ради чего?

— Ради любимаго человѣка, докторъ, осторожно высвобождая свои руки, шепнула Надежда Ивановна, ласково улыбаясь—поймите, докторъ: ради любимаго человѣка...

— Ахъ, да не стоитъ онъ этого... Я, впрочемъ, его совершенно не знаю, но вѣдь онъ человѣкъ, мужчина, а развѣ есть на свѣтѣ такой мужчина, который бы стоилъ такихъ страшныхъ жертвъ?! Нѣтъ, ей Богу нѣтъ!!! Нѣтъ, не было и не будетъ!!! Ну если только чудомъ какимъ-нибудь вы уцѣлѣете оба и поженитесь... и онъ хоть когданибудь, чѣмънибудь, огорчитъ васъ... Что ему тогда слѣдуетъ сдѣлать? Кожу снять съ живого и въ соленый растворъ...

— Ой, ой, докторъ, какъ жестоко, улыбнулась Надежда Ивановна, а еще китайцевъ обвиняете въ жестокости, говорите, будто они мастера на изобрѣтеніе пытокъ, но до такой пытки, какую изобрѣли вы, пожалуй, и китайцы не додумаются...

— Ну, не скажите, китайцы, пожалуй, сдумаютъ выдумать и похуже... но теперь это пока не къ дѣлу... Разъ уже вы рѣшили, Богъ съ вами, идите, на вѣрную гибель, разъ вамъ такъ хочется, однако, обсудимъ какъ бы лучше все это устроить. Что вамъ взять съ собой... Много брать съ собой лѣкарствъ разныхъ нельзя, въ случаѣ, японцы обыскивать гдѣ будутъ, такъ чтобы не возбудить ихъ подозрѣній, надо спрятать такъ, чтобы не нашли, это главное, а затѣмъ надо съ этимъ Фу-ин-фу потолковать хорошенько... Онъ, признаться, мнѣ тоже нравится и кажется ему довѣриться можно... Надо только его заинтересовать. Китайцы до денегъ падки... Знаете, что я придумалъ, позову-ка я его, да обѣщаю ему, если онъ доведетъ васъ благополучно и принесетъ мнѣ о томъ удостовѣреніе отъ васъ, заплатитъ сто рублей... Что вы на это скажете? Стойте, стойте, не возражайте, я знаю, что вы хотите, сказать, знаю... но, это не суть резонно... у меня деньги сейчасъ есть, все равно онъ мнѣ здѣсь ни къ чему, тратить некуда... да, наконецъ, если все хорошо сойдетъ, вы мнѣ когда-нибудь можете и вернуть ихъ... Не такъ ли?

Вмѣсто отвѣта Надежда Ивановна крѣпко пожала руку доктора.

— Ну, а уже если онъ васъ обоихъ доставитъ сюда къ намъ, не жаль и всѣхъ двухъ сотъ, не правда ли? Какое двѣсти, за это и триста рублей обѣщать можно. Ну, такъ стало быть, за дѣло. Позо-

вемъ сюда этого Фу-ин-фу, да солдата-переводчика и потолкуемъ съ нимъ по душамъ... Авось и взаправду Богъ поможетъ, дастъ свершиться чуду!

VI.

По мѣрѣ того, какъ они подвигались все дальше и дальше, Фу-ин-фу становился все осторожнѣе и недовѣрчивѣе. Сгорая нетерпѣніемъ поскорѣе увидеть жениха, Надежда Ивановна въ душѣ негодовала на его медлительность. Тревога за жизнь любимаго чело-вѣка придавала ей силы, она не чувствовала ни усталости, ни голода. Ей казалось, что если бы можно было не опасаться неприятныхъ встрѣчъ и идти свободно, она была бы въ состояніи идти и день и ночь, съ самыми небольшими отдыхами. Въ тѣ мгновенья, когда ей приходило на умъ, что можетъ быть ея женихъ умираетъ отъ отсутствія хорошаго ухода, ею овладѣвало отчаяніе, она готова была бѣжать бѣгомъ, чтобы только поскорѣе достигнуть пещеры, гдѣ онъ томился. Она сожалѣла, что согласилась на доводы Фу-ин-фу и пошла пѣшкомъ, а не поѣхала на лошади. Верхомъ они давно бы доѣхали, а теперь когда еще доберутся?! Тяжелѣе всего было, что Фу-ин-фу ни слова не понималъ по-русски, а она по-китайски. Она нѣсколько разъ пыталась добиться отъ него сколько еще верстъ имъ осталось идти, но на ея упорные вопросы: до-шли ли ²⁾? Фу-ин-фу только крутилъ головой, что-то бормоча подъ носъ и быстро вертя пальцами передъ своимъ лицомъ. Очевидно, онъ или самъ не зналъ или не умѣлъ объяснить такъ, чтобы она поняла. Эта неизвѣстность больше всего угнетала Надежду Ивановну... Иногда ей казалось, что они уже близко отъ цѣли своего путешествія, и ею овладѣвала радость, но минуто спустя, она съ ужасомъ убѣждалась въ преждевременности своихъ ожиданій.

Ночь близилась къ концу, темно-синее небо приняло сѣрова-тый оттѣнокъ, ярко-блиставшія звѣзды потускнѣли. Черезъ какой нибудь часъ должно было появиться солнце. Какъ вездѣ на югѣ, оно сразу выплывало изъ-за хребта сопокъ и озаряло землю водо-падомъ ярко-жгучихъ лучей. Здѣсь не было той долгой борьбы мрака со свѣтомъ какъ бываетъ на сѣверѣ, гдѣ солнце выходитъ медленно, какъ бы побѣждая упорное сопротивленіе, здѣсь оно,

²⁾ Сколько верстъ?

какъ желанный гость, сразу распахивало дверь и входило, весело улыбаясь, сверкающее и радостное.

Фу-ин-фу озабоченно посмотрѣлъ на небо, затѣмъ оглянулся на свою спутницу, какъ бы желая удостовѣриться можетъ ли она еще идти и, очевидно, рѣшивъ, что можетъ, прибавилъ шагу. Надежда Ивановна догадалась, что Фу-ин-фу торопится дойти къ восходу солнца до намѣченного имъ заранѣе ночлега. гдѣ-нибудь въ особо укромномъ мѣстѣ; она рада была этой поспѣшности, которая вполне отвѣчала ея затаеннымъ желаніямъ. Чтобы Фу-ин-фу не побоялся ея усталости, она приняла бодрый видъ и торопливо зашагала, стараясь даже перегнать быстро идущаго старика. Такъ они подвигались болѣе полчасу. Вдругъ Фу-ин-фу вздрогнулъ, остановился. Лицо его приняло испуганное выраженіе, онъ оглянулся вправо и влево, какъ оглядывается волкъ, ища куда бы ему броситься въ сторону, отъ неожиданно вставшей передъ нимъ опасности. Но было уже поздно. Изъ-за скалы, загораживавшей поворотъ тропинки, мелькнула конская морда, черезъ мгновеніе передъ остановившимися въ смертельномъ ужасѣ путниками появился японскій кавалеристъ.

— «Стой!» раздался рѣзкій окликъ и дуло короткой винтовки уставилось прямо въ лобъ Фу-ин-фу, кто ты такой, куда идешь?

Застигнутый въ распахъ Фу-ин-фу, не сразу могъ собраться съ мыслями и сообразить, что ему отвѣчать, но природная хитрость, присущая всѣмъ китайцамъ, подсказала ему самый лучший, въ его положеніи образъ дѣйствиій, онъ притворился глухимъ. Приложивъ ладонь къ склоненному впередъ уху, онъ съ низкими присѣданіями приблизился къ кавалеристу, и сталъ безсвязно лопотать всякую чепуху, которую японецъ, не сильный въ китайскомъ языкѣ, очевидно не понялъ. Онъ сердито выругался и еще рѣзче крикнулъ: «Кто ты такой и откуда идешь?»

Надежда Ивановна, которая въ первый разъ видѣла близко непріятельскаго солдата, несмотря на свой ужасъ, не могла побороть любопытства и изъ подлѣбья начала разглядывать японца. Она увидѣла человѣка, довольно плотнаго въ плечахъ, съ скуластымъ лицомъ и черными живыми глазами, одѣтаго въ венгерку, расшитую на груди шнурами. Лошадь у всадника была не по росту его, высокая, хорошо выкормленная, выхоленная. Она нетерпѣливо грызла удила мундштука и горячо переступала передними ногами. Въ общемъ японскій кавалеристъ, несмотря на свой малый ростъ, произ-

водилъ впечатлѣніе заправскаго солдата, браваго и воинственнаго вида.

Не успѣвъ Фу-ин-фу отвѣтить на заданный вопросъ, какъ изъ-за того же поворота тропинки, показался еще всадникъ, за нимъ третій, четвертый. Они ѣхали одинъ за другимъ гуськомъ, какъ волки, выпешіе на добычу. Черезъ минуту путники были окружены десяткомъ кавалеристовъ. Надежда Ивановна видѣла устремленные на нее со всѣхъ сторонъ любопытные, горячіе взгляды и невольно опустила глаза... Ей стало вдругъ стыдно и нестерпимо страшно. Несмотря на шафранную краску, покрывавшую ея лицо, на уродливую прическу и грязныя лохмотья, она не утратила своей привлекательности... Она сразу какъ-то поняла это, поняла, что красива, и что японскіе солдаты обратили на ея красоту вниманіе. Поняла и смертельный ужасъ охватилъ ее... Она стояла, дрожа всѣмъ тѣломъ, все ниже и ниже наклоняя голову. Вдругъ она почувствовала около самаго своего лица чье-то горячее дыханіе. Рука, затянута въ толстую замшевую перчатку съ крѣпкими, широкими крагами, безцеремонно взяла ее за подбородокъ и силой подняла кверху ея зардѣвшееся стыдомъ лицо. Замирая отъ ужаса, Надежда Ивановна подняла глаза и увидѣла передъ собой лицо молодого японца, низко склонившагося къ ней съ сѣдла. Какъ ни была она испугана, но тѣмъ не менѣе сразу признала въ молодомъ японцѣ офицера, это было замѣтно по его интеллигентной фигурѣ, по изяществу обмундировки, по отсутствію за плечами ружья и по статности и красотѣ его коня. Съ минуту пристально смотрѣлъ японецъ въ лицо Надежды Ивановны, какъ бы внимательно разглядывая ее; молодое лицо его добродушно улыбалось... Вдругъ онъ еще ниже наклонился и неожиданно крѣпко прижался своими губами къ ея дрожащимъ губамъ. Надежда Ивановна вскрикнула и, отшатнувшись въ сторону, инстинктивно, не давая себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, но повинуваясь одному только чувству страха и обиды, желанію поскорѣе уйти отъ обидчиковъ, бросилась внизъ по крутому спуску... За минуту передъ этимъ ей бы и въ голову не пришло рѣшиться на такой отчаянный поступокъ... Спускъ былъ почти отвѣсный, всюду торчали острые камни, гладкія плиты, изъ щелей которыхъ росъ колючій кустарникъ... Сдѣлавъ два-три скачка, Надежда Ивановна поскользнулась, потеряла равновѣсіе, камень, на который она было оперлась ногой, сорвался подъ ея тяжестью, голова ее закружилась и она покатила внизъ, больно ударяясь о

каменные выступы... Отъ страха и волненія она на минуту потеряла сознаніе, но когда открыла глаза, она увидѣла себя лежащую на мягкомъ пескѣ и подлѣ себя озабоченное лицо Фу-ин-фу. Добрый старикъ, увидя ея паденіе, не долго думая, бросился вслѣдъ за нею. Привыкшій съ дѣтства лазать по горамъ, онъ безъ особаго труда, не теряя равновѣсія и не оступаясь, гдѣ прыгая съ камня на камень, гдѣ скатываясь на спинѣ, спустился внизъ и очутился подлѣ Надежды Ивановны, которая, благодаря счастливой случайности, упала не на камни, а на глубокіе наносы песку, покрывавшіе мѣстами крутые ребра скалы. Необдуманнѣйшій поступокъ Надежды Ивановны имѣлъ то хорошее послѣдствіе, что избавилъ ее и Фу-ин-фу отъ дальнѣйшей назойливости японцевъ. Смущенный ея паденіемъ, японскій офицеръ не сталъ ее преслѣдовать и, махнувъ рукой своимъ кавалеристамъ, чтобы они слѣдовали за нимъ, рысью двинулся дальше. Скоро они исчезли изъ виду. Фу-ин-фу поспѣшилъ помочь встать Надеждѣ Ивановнѣ. Она чувствовала себя не совсѣмъ хорошо. Ушибленная при паденіи голова, слегка кружилась, всѣ кости ныли, но она была счастлива уже тѣмъ, что все оказалось цѣлымъ. Не только не было никакого полома, или вывиха, но даже и сильнаго растяженія. Уцѣлѣлъ и ея свертокъ съ лѣкарствами, искусно спрятанный въ широкихъ складкахъ одежды. Тѣмъ временемъ начало свѣтать. Во избѣжаніе повторенія подобной встрѣчи, пришлось искать укромнаго мѣста, гдѣ бы можно было переждать день. Спустившись еще ниже и перейдя долинку, путники углубились въ густую рощу, изрѣзанную глубокими оврагами, поросшими частымъ кустарникомъ. Любой изъ нихъ могъ служить надежнымъ убѣжищемъ, открыть которое могла только слѣпая случайность.

VII.

Катеньевъ давно потерялъ счетъ днямъ. Въ полусумракѣ пещеры онъ плохо отличалъ утро отъ вечера и только, когда, открывъ глаза, онъ встрѣчалъ вокругъ себя кромешную тьму, онъ догадывался, что на дворѣ ночь. По временамъ, впадая въ забытѣе, онъ не могъ рѣшить долго ли оно продолжается, можетъ быть нѣсколько минутъ, можетъ быть нѣсколько часовъ. Спросить было не у кого, такъ какъ старуха, которую онъ видѣлъ всякій разъ пробуждаясь, не знала ни звука по-русски, но сидѣлка изъ нея была хорошая.

Она очень внимательно ухаживала за раненымъ, стараясь угадать всё его желанія. Наложенныя старикомъ перевязки она не мѣняла и только слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ не слѣзли, очевидно ей было такъ приказано Фу-ин-фу. Впрочемъ, раны мало беспокоили Катеньева, особенной боли онъ не чувствовалъ, саднило въ лѣвомъ боку и ныла лѣвая нога, немного выше ступени, вотъ и всё ощущенія, какія давали ему объ его раны. Его изнуряла больше слабость и частые обмороки, послѣ которыхъ онъ чувствовалъ сильный упадокъ духа. Нестерпимая тоска угнетала его. Онъ давно потерялъ всякую надежду на спасеніе и покорился своей участи— умереть одиноко въ этой тѣсной пещерѣ. Минутами ему казалось, что онъ заживо погребенъ и тогда имъ овладѣвало страстное желаніе хотя бы еще разъ взглянуть на солнце, на небо, на міръ Божій, подышать полной грудью чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, услышать понятную ему человѣческую рѣчь. Въ такія минуты онъ начиналъ думать, что, пожалуй, было бы лучше, если бы его забрали въ плѣнъ— японцы бы навѣрно вылѣчили его и впослѣдствіи онъ бы вернулся въ Россію.... Попасть въ плѣнъ, будучи тяжело раненымъ, не такъ ужъ позорно, какъ это казалось ему прежде. Молодая жажда жизни невольно брала верхъ и дразнила картинами возможнаго здоровья, счастья, любви... Перебирая въ умѣ событія послѣднихъ дней, Катеньевъ подолгу думалъ, стараясь угадать, увѣнчается ли успѣхомъ порученіе, данное имъ Фу-ин-фу. Первое время онъ сильно надѣялся. Онъ вѣрилъ въ опытность и хитрость Фу-ин-фу. Съ первыхъ дней по пріѣздѣ въ Манчжурію, Катеньевъ много слышалъ о хитрости китайцевъ, о ихъ ловкости и умѣнью обдѣлывать всякія дѣла, въ этомъ случаѣ они во многомъ походили на евреевъ Западнаго края, для которыхъ нѣтъ ничего невыполнимаго. Но по мѣрѣ того какъ шло время, увѣренность эта начала сильно колебаться и мало-по-малу совершенно испарилась. Катеньевъ пересталъ вѣрить въ удачу. Онъ ясно сознавалъ всё непреодолимая трудности, какія ожидали Фу-ин-фу, и чѣмъ больше думалъ о нихъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что никакая хитрость, никакая ловкость не преодолѣютъ ихъ. Если Фу-ин-фу и посчастливится благополучно миновать японцевъ, то ему никакъ уже не удастся проникнуть за русское сторожевое охраненіе и добраться до Ляояна, а если бы и добрался, то какъ, не зная языка, онъ будетъ разыскивать нужный ему госпиталь. Катеньевъ вспоминалъ, какъ ему самому приходилось цѣлыми часами тщетно разыскивать какую-нибудь часть

войскъ или учрежденіе, находившееся въ тылу арміи. Какъ онъ безрезультатно обращался съ распросами ко всѣмъ встрѣчнымъ солдатамъ, рядовымъ и офицерамъ, разныхъ полковъ и командъ и какъ на всѣ распросы получалъ одно и тоже. «Не могу знать!» Знаменитое: «*не могу знать!*» — противъ котораго ратовалъ безсмертный Суворовъ и которое въ послѣднюю нашу Японскую войну стало чѣмъ-то вродѣ лозунга. Если ему, офицеру, становилось подчасъ непосильной задачей разыскивать въ арміи нужныхъ ему лицъ, то для простого «манзы» эта задача и подавно представлялась вполне невыполнимой. Угнетаемый этими мыслями, Катеньевъ начиналъ уже раскаиваться, что уговорилъ старика взяться доставить его записку. Молодому хорунжему казалось, что если бы старикъ былъ теперь подлѣ него, то можетъ быть ему удалось бы его вылѣчить. Въдѣ среди простонародья есть старики, знакомые со знахарствомъ, а китайцы вообще свѣдущи въ народной медицинѣ. Если бы ему удалось выздоровѣть, онъ тогда бы пошелъ самъ, взявъ старика проводникомъ. Вдвоемъ бы имъ легче было добратся до русскихъ, только бы избѣжать японцевъ и выйти къ своимъ гдѣ бы и кто бы они ни были. Сознаніе непоправимой ошибки, сдѣланной имъ, дѣйствовало еще болѣе угнетающе на душу Катеньева и лишало его послѣдней бодрости и надежды.

VIII.

Всю ночь Катеньева мучилъ страшный кошмаръ. Нелѣпные образы тѣснились въ его горячечномъ мозгу. Ему слышались выстрѣлы, чьи-то протяжные стоны... Онъ видѣлъ себя то окруженнымъ японцами, то бѣгущимъ отъ нихъ по какимъ-то крутизнамъ, надъ бездонными пропастями, въ которыя онъ то и дѣло срывался и падалъ съ головокружительной быстротой... Сердце его замирало, духъ захватывало, голова кружилась и онъ летѣлъ въ черной безднѣ и конца не было его полету... Весь облитый холоднымъ потомъ, онъ съ ужасомъ пробуждался и нѣсколько минутъ лежалъ, глядя широко открытымъ взоромъ въ непроглядный мракъ, окружавшій его. Изъ отдаленнаго угла до него доносился мѣрный храпъ старухи, и этотъ храпъ среди мрака и тѣсноты удушливой пещеры наполнялъ душу Катеньева суетвѣрнымъ ужасомъ. Ему казалось, будто это храпитъ не человѣкъ, а какое-то странное фантастическое подземное чудовище, какой-то гномъ, о которыхъ ему рассказывали въ

дѣтствѣ. Только подѣ утро кошмары покинули его и онѣ заснулъ спокойнымъ крѣпкимъ сномъ. Вдругъ его словно что толкнуло. Онѣ разомъ проснулся и широко открылъ глаза. Въ пещерѣ было свѣтлѣе, чѣмъ обыкновенно, точно щель наверху стала шире и сквозь нее лились снопы солнечныхъ лучей, отливающихъ вверху всѣми цвѣтами радуги. И воздухъ былъ какъ будто свѣжѣе, гдѣ-то чуть слышно щебетала птичка... У изголовья сидѣла китаянка, но не та старуха, которая всегда ухаживала за Катеньевымъ, а другая. Она сидѣла такъ, что падающіе сверху, черезъ щель лучи, только слегка освѣщали ея голову и пристально глядѣла въ лицо Катеньеву. Онѣ машинально поднялъ на нее глаза, взглядѣлся—и вдругъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Еще шире открылъ глаза... Съ минуту глядѣлъ въ молчаливомъ оцѣпѣненіи, не вѣря въ дѣйствительность... Ему казалось, что онѣ продолжаетъ спать и онѣ дѣлалъ надъ собой усилія, чтобы проснуться... Въ эту минуту китаянка подняла голову и, поймавъ на себѣ его изумленный, оторопѣлый взглядъ, ласково улыбнулась... Сомнѣній больше быть не могло... Ошеломленный, все еще продолжая не вѣрить своимъ глазамъ, Катеньевъ протянулъ руки... Онѣ хотѣлъ вскрикнуть, назвать ее по имени и не могъ. Точно посторонняя сила сдавила ему горло. Все пережитое и выстраданное за эти дни, всѣ тяжелыя впечатлѣнія, всѣ испытанія, ужасъ одиночества и безнадежная тоска, все это слилось съ необузданной, огромной радостью, подобно бурному потоку, разомъ нахлынувшему на него... Онѣ не выдержалъ и зарыдалъ какъ ребенокъ, бессильно склоняя голову на послѣднюю поддержавшія его, ласковыя руки самаго близкаго, самаго дорогого ему существа.

Съ этого дня выздоровленіе Катеньева пошло быстрыми шагами. Присутствіе Надежды Ивановны какъ бы влило въ него организмъ притокъ свѣжихъ силъ. Прошла недѣля, и уже онѣ настолько поправился, что могъ вставать и двигаться, хотя боль въ ногѣ давала себя чувствовать. Они рѣдко покидали пещеру и только по ночамъ выходили и садились гдѣ-нибудь неподалеку. Постоянная опасность развила въ нихъ чуткость и осторожность дикихъ звѣрей; при томъ и вѣрный Фу-ин-фу въ свою очередь ни на минуту не ослаблялъ своего вниманія. Старикъ совершенно покинулъ свою фанзу, которая отъ частыхъ постоевъ въ ней японскихъ солдатъ пришла въ полное разрушеніе. Огородъ былъ вытопанъ и весь расхищенъ, заборъ пошелъ на топливо, двери и рамы поло-

маны. Старикъ только зубы стискивалъ при видѣ разрушеній, производимыхъ японцами въ его жилищѣ. Когда домъ былъ разграбленъ и разрушенъ настолько, что въ немъ уже трудно было жить, старикъ забралъ свою старуху и переселился въ горы. Недалеко отъ пещеры, гдѣ ютились Катеньевъ и Надежда Ивановна, была другая почти такая же. Фу-ин-фу поселился тамъ съ своей женой и сталъ ждать выздоровленія Катеньева; онъ рѣшилъ уйти изъ своихъ мѣстъ подальше отъ ненавистныхъ ему японцевъ. Старикъ мечталъ, какъ на тѣ деньги, которыя получить, если ему удастся благополучно доставить Катеньева и русскую «мадаму» на русскую сторону, онъ откроетъ въ Мукденѣ небольшую торговлю. Теперь, когда русскіе пришли, многіе китайцы взялись за торговлю; войскъ много и всѣмъ все надо, платятъ хорошо, скоро, очень скоро можно нажиться! Такъ раздумывалъ Фу-ин-фу, сидя подлѣ своей пещерки и русуя въ головѣ разныя картины своего скорого благополучія. Иногда онъ исчезалъ, пропадалъ дня два и возвращался, таща на себѣ нѣсколько связанныхъ попарно куръ, ногу чушки, или мѣшечекъ рису. Для Катеньева съ Надеждой Ивановной Фу-ин-фу былъ прямо неоцѣненный человѣкъ. Онъ доставлялъ имъ провизію и приносилъ новости о русской и японской арміяхъ. Хотя Фу-ин-фу ни слова не зналъ по-русски, а Катеньевъ и Надежда Ивановна, столько же по-китайски, но со временемъ они какъ-то выучились кое-какъ понимать другъ друга. Однажды Фу-ин-фу вернулся очень озабоченнымъ и хмурымъ. «Пу-шанго, шибко пу-шанго!» объявилъ онъ, вползая въ пещеру къ Катеньеву—русъ Ляоянь мію, русъ пфууу!» онъ дунулъ на ладонь и отмахнулъ ее назадъ—ибень Ляоянь ю. Русъ мію!»

Катеньевъ и Надежда Ивановна многозначительно переглянулись. Извѣстіе было крайне тревожное. Значитъ русскіе опять разбиты и еще дальше отступили назадъ. Нельзя даже и приблизительно опредѣлить, какъ далеко находятся теперь ихъ силы. Шансовъ на спасеніе стало быть еще меньше.

— Какъ ты думаешь, когда я буду въ состояніи настолько свободно владѣть ногой, чтобы мы могли двинуться въ путь? спросилъ Катеньевъ.

— Боюсь, что не раньше, какъ черезъ мѣсяць, отвѣчала Надежда Ивановна.

— А тогда наши войска, чего добраго отойдутъ къ Мукдену... Знаешь, мнѣ иногда кажется, что намъ не спастись... Подумай, ка-

кая дальняя дорога намъ предстоитъ! Развѣ мыслимо пройти такой путь и не встрѣтить ни японцевъ, ни хунхузовъ, когда вся страна кишитъ ими.

— Для Бога, все возможно, съ глубокой вѣрой отвѣтила Надежда Ивановна, надо больше молиться и надѣяться.

Оба снова умолкли.

С. Пютчевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

